

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

17 ИЮЛЯ 1944 Г.
ПОНЕДЕЛЬНИК
№ 168 (6225)

Цена 20 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

Неизвестное письмо А. П. Чехова

Литературная борьба вокруг Чехова становилась тем шумнее, чем ярче и многограннее сверкал его талант. Наряду с оценками умными и глубокими современники оставили нам и доказательства явного непонимания подлинной народности и прогрессивного значения чеховского творчества.

Не в обычаях Чехова было отвечать на наскоки литературных павлиантов. Он предпочитал разговаривать с ними тем языком, каким говорил с миллионным русским читателем, — языком своих рассказов, повестей, пьес. Но он огню не хладнокровно воспринимал обвинения, оскорблявшие его писательское достоинство. Писатель-гражданин, писатель-общественник, он готов был реагировать на них точно так же, как реагировал на исключение Горького из Академии наук, — со всей силой справедливого, благородного гнева.

Разгневанный Чехов — это одна из существенных граней образа великого русского писателя-борца, страстно ненавидевшего всяческую ложь, косность, невежество, пошлость и насилие, писателя-гуманиста и патриота, страстно желавшего свободы и счастья своему народу. Разгневанный Чехов во весь рост встает со страниц впервые публику-

емого здесь его письма, адресованного редактору-издателю журнала «Русская мысль», переводчику и публицисту Вуколу Михайловичу Лаврову.

Начало деловой и дружеской переписки Чехова с Лавровым до сих пор ошибочно относили к 1892 г., когда Лавров пригласил Чехова принять ближайшее участие в журнале «Русская мысль». Лавров в своих воспоминаниях указывает, что после первого знакомства с Чеховым в 1889 г., в Москве, на Курском вокзале, в их отношениях наступил перерыв до 1892 г.

Перерыв этот возник не случайно, а в результате недоразумения, имевшего место в апреле 1890 г. Именно в этом году между писателем и редактором и началась переписка, которая и привела в конце концов к восстановлению дружеских отношений. Чехов в 1892 г. пишет Л. Мишиной: «У меня сенсационная новость: «Русская мысль» в лице Лаврова прислала мне письмо, полное деликатных чувств и уверений. Я растроган, и если б не моя подлая привычка не отвечать на письма, то я ответил бы, что недоразумение, бывшее у нас года два назад, считаю поконченным».

Что же за недоразумение было у Чехова с «Русской мыслью» и Лавровым?

На этот вопрос только сейчас представляется возможным дать удовлетворительный ответ.

В третьей книжке «Русской мысли» за 1890 г., в критическом обзоре новинок текущей литературы, помещенном без подписи, Чехову вскользь брошено тяжелое обвинение в беспринципности.

Великолепная в своем гневе и решительности, резкая и страстная оповедь Чехова перед нами:

10 апр. (1890 г.).

Вукол Михайлович! В мартовской книжке Русской Мысли на 147 странице библиогр. отдела я случайно прочел такую фразу: «Еще вчера, даже жрецы беспринципного писания, как г.г. Иисинский и Чехов, имена которых и т. д.». На критики обыкновенно не отвечаю, но в данном случае речь может быть не о критике, а просто о клевете. Я, пожалуй, не ответил бы и на клевету, но на днях я надолго уезжаю из России, быть может, никогда уж не вернусь, и у меня нет сил удержаться от ответа.

Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был.

Правда, вся моя литературная деятельность состояла из непрерывного ряда ошибок, иногда грубых, но это находит себе объяснение в размерах моего дарования, а вовсе не в том, хороший я или дурной человек. Я не пантажировал, не писал ни пасквилей, ни доносов, не лгнул, не лгал, не оскорблял, коротко говоря, у меня есть много рассказов и передовых статей, которые я охотно бы выбросил за их негодностью, но нет ни одной такой строки, за которую мне теперь было бы стыдно. Если допустить предположение,

что под беспринципностью Вы разумеете то печальное обстоятельство, что я, образованный, часто печатавшийся человек, ничего не сделал для тех, кого люблю, что моя деятельность бесследно прошла, например, для земства, нового суда, свободы печати, вообще свободы и проч., то в этом отношении Русская Мысль должна по справедливости считать меня своим товарищем, но не обвинять, так как она до сих пор сделала в сказанном направлении не больше меня — и в этом виноваты не мы с Вами.

Если судить обо мне, как о писателе, с внешней стороны, то и тут едва ли я заслуживаю публичного обвинения в беспринципности. До сих пор я вел замкнутую жизнь, жил в четырех стенах; встречаемся мы с Вами раз в два года, а, например, г. Мачтета и не видел ни разу в жизни — можете поэтому судить, как часто я выхожу из дому; я всегда настойчиво уклонялся от участия в литературных вечерах, вечеринках, заседаниях и т. п., без приглашения не показывался ни в одну редакцию, старался всегда, чтобы мои знакомые видели во мне больше врача, чем писателя, короче, я был скромным писателем, и это письмо, которое я теперь пишу, — первая нескромность за все время моей десятилетней деятельности. С товарищами я нахожусь в отличных отношениях; никогда я не брал на себя роли судьи и тех журналов и газет, в которых они работают, считая себя некомпетентным и находя, что при современном независимом положении печати всякое слово против журнала или писателя является не только безжалостным и не тактичным, но и прямо-таки преступным. До сих пор я решался отказывать только тем журналам и газетам, недоброкачественность которых являлась очевидной и доказанною, а когда мне приходилось выбирать между ними, то я отдавал преимущественно тем из них, которые по материальным или другим каким-либо обстоятельствам наиболее нуждались в моих услугах, и потому-то я работал не у вас и не в Вестнике Европы, а в Северном Вестнике, и потому-то я получал вдвое меньше того, что мог бы получать прином взгляде на свои обязанности.

Обвинение Ваше — клевета. Просить его взять назад я не могу, так как оно вошло уже в свою силу и его не вырubiшь топором; объяснить его неосторожностью, легкомыслием или чем-нибудь в роде, я тоже не могу, так как у Вас в редакции, как мне известно, сидят безусловно порядочные и воспитанные люди, которые пишут и читают статьи, надеюсь, не зря, а с сознанием ответственности за каждое свое слово. Мне остается только указать Вам на Вашу ошибку и просить Вас верить в искренность того тяжелого чувства, которое побудило меня написать Вам это письмо. Что после Вашего обвинения между нами невозможны не только деловые отношения, но даже обыкновенное шапочное знакомство, это само собою понятно.

А. Чехов.

В советскую науку о Чехове это письмо должно войти не только как существенное дополнение к чеховской биографии, но и как важнейший документ, формулирующий взгляды Чехова на высокое общественное призвание писателя и на его моральный облик, не терпящий никаких отступлений от принципов честного, глубоко идейного служения родному народу. Вместе с тем письмо необходимо убедительно говорит о безупречной моральной чистоте и благородстве самого Чехова, который, при всей своей скромности, в нужный момент умел гневно и резко ответить на оскорбительные выпады своих литературных врагов.

Письмо сохранилось среди бумаг дочери В. М. Лаврова — Анастасии Вуколовны Лавровой — и предоставлено для опубликования его внучкой А. В. Дорошевской.

Н. Верховский.